

Е.Н. Басовская

«Роевая» жизнь

Пьер не великий деятель, но великий созерцатель. Не случайно его глазами мы, читатели «Войны и мира», видим главную битву Отечественной войны — Бородинское сражение. Именно Пьеру открывается нелепая, античеловеческая сущность войны. Но он сознает, точнее, ощущает и другое — величие духа воюющего народа.

«Въехав на гору и выехав в небольшую улицу деревни, Пьер увидел в первый раз мужиков-ополченцев с крестами на шапках и в белых рубашках, которые с громким говором и хохотом, оживленные и потные, что-то работали направо от дороги, на огромном кургане, обросшем травой. <...>

Увидав этих мужиков, очевидно забавляющихся еще своим новым, военным положением, Пьер опять вспомнил раненых солдат в Можайске, и ему понятно стало то, что хотел выразить солдат, говоривший о том, что всем народом навалиться хотят. Вид этих работающих на поле сражения бородатых мужиков с их странными неуклюжими сапогами, с их потными шеями и кое у кого расстегнутыми косыми воротами рубах, из-под которых виднелись загорелые кости ключиц, подействовал на Пьера сильнее всего того, что он видел и слышал до сих пор о торжественности и значительности настоящей минуты».

Что поразило Пьера? Он, дворянин, барин, воочию увидел тот самый народ, о котором так много думал и так безуспешно заботился. Он оказался лицом к лицу с мужиками, ощутил их единство, спокойствие и силу. Более того, он сам впервые стал частью народа, ведь горе войны затронуло и его судьбу. Общая ненависть к врагу, общая решимость сражаться — вот что позволило Пьеру Безухову хотя бы на миг почувствовать себя одним из них, таким же простым русским человеком, как безымянные потные ополченцы.

Как оказалось чуть позже, это и было то важнейшее ощущение, к которому Пьер всегда стремился, та правда о мире, которую он искал. Его открытием стало понимание личности как частицы «Мира» — великого сообщества людей. Сначала Пьеру, взволнованному этой новой для него идеей, еще кажется, что он должен что-то предпринять, как-то особо постараться, чтобы примкнуть к огромному человеческому «рою».

«Солдатом быть, просто солдатом! – думал Пьер... – Войти в эту общую жизнь всем существованием, проникнуться тем, что делает их такими. Но как скинуть с себя все это лишнее, дьявольское, все бремя этого внешнего человека?»

Но позже, после московского пожара, после минут ожидания смерти, после голода, холода и унижений, пережитых в плену, после встречи с Платоном Каратаевым, равно любившим все и всех на земле, представления Пьера о мире еще более уточняются. Человеку не надо прилагать специальных усилий, чтобы влиться в общую жизнь. Напротив, чем спокойнее и естественнее твое существование, тем глубже оно врастает в единый организм, называемый человечеством.

«И вдруг Пьеру представился, как живой, давно забытый, кроткий старичок учитель, который в Швейцарии преподавал Пьеру географию. “Постой”, – сказал старичок. И он показал Пьеру глобус. Глобус этот был живой, колеблющийся шар, не имеющий размеров. Вся поверхность шара состояла из капель, плотно сжатых между собой. И капли эти все двигались, перемещались и то сливались из нескольких в одну, то из одной разделялись на многие. Каждая капля стремилась разлиться, захватить наибольшее пространство, но другие, стремясь к тому же, сжимали ее, иногда уничтожали, иногда сливались с нею.

— Вот жизнь, – сказал старичок учитель.

“Как это просто и ясно, – подумал Пьер. – Как я мог не знать этого прежде”.

— В середине Бог, и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его. И растет, сливается, и сжимается, и уничтожается на поверхности, уходит в глубину и опять всплывает».

Вот она, общая жизнь, в которой нет и не может быть «великих людей» и героев. Здесь каждый лишь часть мирового океана, одновременно ничтожная и равная Богу. В этом космосе нет смерти. Капелька, исчезая, вливается во множество других. Вот почему Пьер не воспринимает гибель Платона Каратаева как трагедию (помню, как при первом чтении «Войны и мира» меня поразила внезапная бесчувственность моего любимого героя, даже не оглянувшегося, когда французский солдат застрелил его товарища). Каратаев «разлился и исчез», перестал существовать как личность, но остался частью вселенной.

Герои Толстого переживают лучшие минуты, когда испытывают чувство единства с людьми. Самая счастливая семья в «Войне и мире» — это Ростовы, всегда распахнутые навстречу другим. Здесь, в любви к жизни и людям, воспитывается Наташа, в которой Толстой видит идеал женщины. Правда, такое отношение автора к своему созданию нередко вызывает неудовольствие у юных читателей, а особенно у читательниц. В пятнадцать-шестнадцать лет нас ужасают простые и ясные слова:

«Наташа вышла замуж ранней весной 1813 года, и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она страстно желала и теперь сама кормила. Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу. Черты лица ее определились и имели выражение спокойной мягкости и ясности. В ее лице не было, как прежде, этого непрестанно горевшего огня оживления, оставившего ее прелесть. Теперь часто видно было одно ее лицо и тело, а души вовсе не было видно. Видна была одна сильная, красивая и плодovitая самка».

Случается, что читательницы школьного возраста воспринимают жизненный выбор Наташи Ростовой как предательство прекрасных идеалов юности. Как же так: где любовь, музыка, так много значившие для нее? Куда делись мечты о полете в небо? Неужели «плодовитая самка» и есть идеал для Толстого?

Да, выходит, что именно так. Можно соглашаться или не соглашаться с тем, как Толстой понимал назначение женщины. Но приходится признать: образ Наташи получился целостным, ее развитие совершенно закономерно. Она всегда жила, как и Пьер, в поисках своего предназначения. Только, в отличие от будущего мужа, не задумывалась над тем, что искала, руководствовалась интуицией и чувствами.

Прелесть Наташи, ее красота — в естественности. Она появляется на страницах «Войны и мира» шаловливой тринадцатилетней девочкой, которой ничего не стоит громко спросить через весь стол, какое будет пирожное, и смутить излишне чопорных гостей. С той же счастливой простотой она, полудевушка-полуребенок, просит Бориса Друбецкого поцеловать ее и добивается у него признания в любви. Взрослея, она переживает несколько увлечений и никогда не скрывает своих чувств.

Но самая большая влюбленность юной Наташи — это влюбленность в жизнь. В разных ситуациях она восклицает: «Мне очень весело!», «Ах, как хорошо, отлично!», «Это прелесть что такое!» Мир вокруг нее наполнен радостью. Именно этим очарован князь Андрей, увидевший ее в Отрадном.

Наташа не из тех, кто задается философскими вопросами. Наверное, она даже не поняла бы, о чем речь, если бы ее спросили о взаимоотношениях личности и народа. «Народ» слишком широкое и отвлеченное понятие для девушки, чей мир — это семья, друзья, поклонники. Но, и сама того не сознавая, она принадлежит к людскому «рою». Помнишь классический эпизод охоты, дом дядюшки, его игру на гитаре, восторг Наташи и ее танец?

«Наташа сбросила с себя платок, который был накинут на ней, забежала вперед дядюшки и, подперши руки в боки, сделала движение плечами и стала.

Где, как, когда всосала в себя из того русского воздуха, которым она дышала, — эта графинечка, воспитанная эмигранткой-француженкой, — этот дух, откуда взяла она эти приемы, которые *pas de chale* давно бы должны были вытеснить? Но дух и приемы эти были те самые, неподражаемые, неизучаемые, русские, которых и ждал от нее дядюшка».

Если Пьеру надо пройти через сомнения и раздумья, чтобы почувствовать себя частью русского народа, то Наташе это просто дано. Она от природы наделена даром жить среди людей, в единстве с ними. Поэтому ей так необходима семья.

Наташа делает ошибки. Порой она даже кажется эгоистичной. Не дождавшись возвращения своего жениха Болконского, она влюбляется в красивого негодяя Курагина и пытается бежать с ним. Но, по-моему, Толстой нисколько не осуждает свою любимую героиню. И не только потому, что она молода и неопытна, измучена разлукой и обижена старым князем Болконским. Так уж создана Наташа, что она не выносит одиночества. Она должна любить кого-нибудь — в этом вся ее жизнь.

Выйдя замуж за Пьера, Наташа буквально растворяется в муже и детях. Она счастлива. Невнимательно выслушав слишком сложные для нее рассуждения Пьера о злых и добрых людях, она сейчас же заговаривает о том, что ей понятно и интересно:

«...я только хотела сказать про Петю: нынче няня подходит взять его от меня, он засмеялся, зажмурился и прижался ко мне — верно, думал, что спрятался. Ужасно мил», — и уходит кормить сына.

Чтобы быть доброй и самоотверженной, ей не надо создавать теорий. Она полна любви просто потому, что она мать. Когда-то ей хотелось улететь в небо, но в конце концов она нашла себя на земле — в маленьком и прекрасном сообществе людей, называемом семьей.

Вспомним и другие страницы романа-эпопеи, на которых происходит торжество добра. Наташа освобождает подводы для раненых. Петя радостно угощает партизан изюмом и жалеет пленного барабанщика. Пьер спасает жизнь французскому офицеру и случайно обретает прекрасного собеседника, в разговоре с которым осознает свою любовь к Наташе... А самой важной мне кажется одна из финальных сцен четвертого тома: замерзшие французы выходят из леса к русскому костру. Солдаты отогревают и кормят их, смеются над их странной речью, подхватывают песню захмелевшего от тепла и еды Мореля.

«Радостные улыбки стояли на всех лицах молодых солдат, смотревших на Мореля. Старые солдаты, считавшие неприличным заниматься такими пустяками, лежали с другой стороны костра, но изредка, приподнимаясь на локте, с улыбкой взглядывали на Мореля.

— Тоже люди, — сказал один из них, уворачиваясь в шинель. — И полынь на своем корену растет.

— Оо! Господи, господи! Как звездно, страсть! К морозу... — И все затихло.

Звезды, как будто зная, что теперь никто не увидит их, разыгрались в черном небе. То вспыхивая, то потухая, то вздрагивая, они хлопотливо о чем-то радостном, но таинственном перешептывались между собой».

Читая этот эпизод, невольно вспоминаешь высокое аустерлицкое небо. Толстой вновь изображает воюющих людей на фоне космоса. Но все изменилось. «Война политиков» была мелкой и уродливой на фоне огромного спокойного неба. Теперь же, когда за оружие взялся весь народ, вынужденный защищать свою землю, когда милосердие к побежденным оказалось сильнее злобы, — мир людей и мир звезд сблизилась. Смешная сценка с Морелем, принявшим за третий котелок каши, окрашивается в лирические тона. Казалось бы, ничего важного не происходит. Но именно порыв добра и любви позволяет простым солдатам приобщиться к таинственному миру звезд.

Когда Толстой работал над «Войной и миром», было еще относительно далеко до эпохи телефона и телевидения, скоростных поездов и самолетов. Земной шар еще не казался людям маленьким, хотя и в конце XIX столетия расстояния начали сжиматься, а новости все быстрее доходили из одного конца планеты в другой. Прошло несколько десятков лет, и французский философ П. Тейяр де Шарден нарисовал такую картину человеческой цивилизации середины XX века:

«На протяжении нескольких поколений вокруг нас образовались всякого рода экономические и культурные связи, увеличивающиеся в геометрической прогрессии. Теперь, кроме хлеба... каждый человек требует ежедневно свою порцию железа, меди и хлопка, свою порцию электричества, нефти и радия, свою порцию открытий, кино и международных известий. Теперь уже не простое поле, как бы оно ни было велико, а вся Земля требуется, чтобы снабжать каждого из нас. Не правда ли, возникает, ... если можно так выразиться, великое тело со своими членами, своей нервной системой, своими воспринимающими центрами, своей памятью, тело того великого существа, которое должно было прийти, чтобы удовлетворить стремления, порожденные в мыслящем человеке недавно приобретенным сознанием своей солидарности и ответственности за целое, находящееся в состоянии эволюции?»

Не знаю, как тебя, а меня изумляет созвучие этих идей тому, о чем писал Толстой. Он предвидел превращение человечества в цельный организм. В этом для него состоял главный закон истории — в движении от разобщенности к единству.